

Судьба не по рецепту

*Читайте романы
Марии Вороновой:*

Повод для знакомства

Клиника любви

Апельсиновый сок

Уютная душа

Мой бедный богатый мужчина

Любовь в режиме ожидания

Клиника верности и клиника жертвы

Книжная девочка

Ледяное сердце Северины

Рандеву на границе дождя

Кроткая заступница

Пропущенный вызов

Краденое счастье

Эхо первой любви

Ухожу от тебя замуж

У тебя есть я

Судьба без обязательств

Станция «Звездная»

Ангел скорой помощи

Вечно ты

МАРИЯ
ВОРОНОВА

Вечно ты

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Художественное оформление серии *Е. Петровой*

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*

Редактор серии *Е. Дмитриева*

Воронова, Мария Владимировна.

В75 Вечно ты / Мария Воронова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-196348-4

Как бы уверенно человек ни управлял своей жизнью, судьба порой делает слишком резкие повороты. В дружной семье Корсунских все было распланировано и роли дочерей распределены: умница и красавица Вера сделает блестящую партию генералу, а скромная Люда останется домашней девочкой, родительской отрадой. Только предназначенный для Веры жених внезапно выбирает Люду...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© М.В. Виноградова, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-196348-4

Я прихожу на кладбище каждый день. Кладу свежие цветы взамен увядших, которые аккуратно выдергиваю из венков и букетов, густо покрывающих могильный холмик, поправляю траурные ленточки и пытаюсь убедить себя, будто это что-то значит. Не получается. Не с чего даже устать, чтобы хоть через мышечную боль и одышку прочувствовать смысл своих ежедневных походов. Может быть, этот смысл откроется мне позже, когда я поставлю настоящий памятник и разведу цветник?

Выбросив мусор в ржавый жестяной бак на перекрестке дорожек, возвращаюсь к могиле и сажусь на чужую скамейку, мысленно извиняясь перед ее владельцами, живыми и мертвыми. Лавочка шаткая, из двух бревнышек и наспех приколоченной к ним доски. От времени она завалилась вбок и стала похожа на военный самолет перед разбегом. И дерево с годами сделалось таким же серым, как военный самолет. В общем, конструкция ненадежная, но я все-таки сажусь. Плохо, если сломаю

чужую вещь, но, с другой стороны, избавлю хозяев от необходимости падать с лавки.

Смотрю в небо, пытаюсь помолиться или разглядеть там какой-то знак, но ничего не вижу, только скупое и бледное ленинградское солнце осторожно гладит меня по щекам.

Наверное, это плохо, что я ничего не чувствую возле его могилы. Никак не получается осознать, что этот холмик, украшенный цветами, лапником и траурными лентами, — место его последнего упокоения.

Зачем прихожу сюда, сама не знаю. Если загробная жизнь все-таки существует, то он думает обо мне всегда, а не только когда я навещаю его могилу. С глаз долой, из сердца вон — это не наш случай.

Нам приходилось расставаться, и расставаться надолго, судьба раскидывала нас по разным сторонам света, между нами бывали тысячи километров, а когда он уходил в автономку, то и многие метры тяжелой морской воды, но даже сквозь эти преграды мы чувствовали друг друга, были далеко, но все-таки рядом.

А теперь только пустота. Полтора метра мокрой серой глины разделяют нас надежнее, чем любые другие расстояния.

Не чувствую я его присутствия в этом живописном уголке кладбища, которое сдержанный ленинградский май уже раскрасил своей акварелью. На старом обрубке какого-то дерева проби-

ваются робкие побеги с новорожденными клейкими листочками. Жизнь побеждает, и я, наверное, должна утешаться, глядя на эту незамысловатую аллегория. Только мне от этой правды жизни ни горячо ни холодно, никак.

Поправляю загнувшуюся ленточку, пытаюсь убедить себя, что это как будто я подтыкаю ему одеяло, но не нахожу ничего общего между этими действиями. Вспоминаю свекровь, которая каждую осень просила его укутывать лапником могилу своего мужа, мы специально брали для этого отпуск с захватом сентября. Тогда мне в голову не приходило спросить ее, правда ли ей становится легче и спокойнее на душе от этого ритуала. Смерть, могилы, это для стариков, а мы с мужем были молоды и собирались оставаться таковыми вечно.

В этом удаленном уголке кладбища нет старинных памятников, как возле полуразрушенной церквушки. Вот там можно увидеть много интересного. На уходящих в землю надгробиях проступают сквозь мох трогательные эпитафии с ятями и твердыми знаками, скорбящие мраморные ангелы мирно соседствуют с жизнеутверждающей статуей ответственного партийного работника. Скульптор почему-то изваял его со свернутой в трубочку газетой в руке, так что не совсем понятно, собирается товарищ произносить речь или лупить кота за испорченные тапки. Образ интригует, и я всегда улыбаюсь, проходя мимо него, и думаю, каким он был при жизни. Что делать,

когда теряешь единственного близкого человека, поневоле обзаводишься потусторонними приятелями.

Среди наших соседей великих людей, похоже, нет. Нас окружают кресты из серого бетона с эмалевыми фотографиями или с пустым овальным следом от них и скромные мраморные стелы. Оградки стоят впритык, отчего с высоты птичьего полета наш участок, наверное, похож на шаль, связанную из бабушкиных квадратиков. Кое-где виднеются жестяные пирамидки с красными звездами, правда, от долгих лет в суровых ленинградских туманах цвет скорее подразумевается, чем присутствует. Такие памятники называются обелисками, и, судя по ржавчине, последний поставили лет двадцать назад или еще раньше, а сейчас в моде прямоугольные надгробья, даже для тех, кто погиб при исполнении воинского долга. В перспективе это удобно, потом сын на нем подпишет мое имя, да и все. Как у соседей слева.

Мне немного неловко за свой суетный интерес, что я разглядываю памятники, как чужие сумочки и туфли, и что хочу сделать могилу красивой, хоть для мужа от этого ничего не изменится. Он так и останется мертвым.

Оглядываюсь и замечаю посетительницу, тоненькую девушку в старомодном платье с отложным воротничком. Кажется, я уже встречала ее возле свежей могилы, которая появилась здесь

вскоре после нашей. После... Помню, когда я увидела среди серых надгробий пестрый нарядный холмик, понадобилось некоторое усилие осознать, что жизнь идет своим чередом, люди продолжают рождаться и умирать даже после того, как его не стало.

Девушка стоит возле могилы, неловко сутулясь и опустив глаза, видно, еще не обжилаась в своем горе, а я разглядываю ее, как новенькую в классе. Русые волосы затянуты в хвост, открывая миру легкую изящную лопухость, аккуратный носик чуть вздернут, а губы тонкие, но прихотливого рисунка. Не идеальная красота, но из тех лиц, на которые смотришь с удовольствием. Наверное, девушка сильно скорбит, и от этого кажется невзрачной.

Прикинув, как бы она выглядела с косметикой, прической и в модной одежде, я начинаю думать, кем она приходится нашему соседу. Задача непростая, тем более что я даже не знаю, кто там похоронен, мужчина или женщина, старый или молодой. Одно можно сказать почти со стопроцентной уверенностью — отношения были близкие, потому что если ты не горюешь по усопшему, то вечером среды найдешь себе более интересное занятие, чем поход на кладбище. Да и если горюешь... Я, например, хожу не за утешением, а просто потому, что не знаю, куда еще можно себя деть. Муж говорил, что всегда надо что-то делать и куда-то идти, особенно если делать нечего, а идти некуда. Вот я и иду. Но я уже пожилая, переделала почти

все дела, которые положены женщинам в земной юдоли, а у девушки их наверняка еще непочатый край. Много есть для юности полезных занятий кроме как стоять в скорби и растерянности на краю могилы.

В выходные дни я прихожу по утрам, как все нормальные люди, и иногда встречаю возле этой могилки высокого мужчину с аристократически вытянутым лицом и красивой волной седых волос и женщину, которая в пятидесятые могла бы быть кинозвездой. Сразу понятно, что это муж и жена. Их сопровождает яркая молодая женщина, очевидно, дочь, которой повезло взять у родителей лучшее — отцовскую благородную статью и материнское изящество. Когда я здороваюсь с ними, они отвечают милостивым кивком, в котором благосклонность и запрет на дальнейшее общение сочетаются с аптекарской точностью. Уж не знаю, врожденное ли это умение или достигается годами тренировок, но в любом случае я не в обиде. Понятно, что их настоящее место там, возле часовни, среди ангелов и старинных мраморных плит, и только по злой прихоти судьбы они оказались на нашей пролетарской непрестижной окраине. И чернь в моем лице должна это понимать. Я и понимаю, тем более что видок у меня в последнее время затрапезный, так сразу и не скажешь, что высшее образование. Сначала переезд, потом ремонт, в общем, давненько мы не обновляли наш гардероб. Все мечтали, как наведем красоту и за-

живем... А получилось, что зажила я одна, интересно, значит ли это, что мечта сбылась наполовину? Короче говоря, и правда надо побродить по магазинам, чтобы не принимали за дремучую селянку, у которой всегда наготове шкалик за пазухой, чтобы помянуть прямо на могилке.

Девушка все стоит, неестественно сложив руки, а я все разглядываю ее, гадая, кем же они все друг другу приходится, что связывает благородное семейство, девушку и покойника.

Как и наш, их холмик пока безымянный, можно, конечно, подойти поближе, почитать ленты на венках, но любопытство во мне пока еще не побеждает чувство приличия.

Наконец девушка ловит мой взгляд. Я улыбаюсь, она быстро улыбается в ответ и тут же отводит глаза, но я успеваю заметить, как удивительно хороша ее улыбка. На какую-то долю секунды я даже забываю, зачем я здесь.

Хмурясь, наверное, для того, чтобы нейтрализовать неуместную на кладбище улыбку, девушка поправляет венки и уходит, а я остаюсь сидеть, не замечая, как наступают незаметные майские сумерки. Вдруг вспоминаю, как в студенческие годы муж говорил про белые ночи — «очень низкий титр темноты». А потом мы уехали служить далеко от Ленинграда, да и химию подзабыли.

Вокруг становится совсем тихо, кажется, я осталась на кладбище одна из живых. Может быть, уже и ворота закрыли, но ничего страшного, в суровой

и неприступной кирпичной стене неподалеку есть дыра, сквозь которую можно пролезть без особого риска получить травму или выставить себя на посмешище. В любой ограде есть тайный лаз, кроме той, что разделяет мир живых и мир мертвых.

* * *

Несмотря на сухую и солнечную погоду, туфельки оказались основательно испачканы серой глиной, и дома Люда сразу взялась за щетку, но, как ни старалась, присохшая грязь никак не хотела отходить, только глубже забивалась в швы и в рельеф подошв, придавая туфлям совсем уж затрапезный сиротский вид. Лев бы в обморок упал от такого зрелища, сверкающая чистотой обувь была для него едва ли не главным мерилom добра и зла...

Оттого, что она подумала о Льве в прошедшем времени, по спине пробежал холодок, Люда поехала. Он жив, и думать надо о нем как о живом, а то, что они больше никогда не увидятся, совсем не важно.

Мятый жестяной тюбик явно был пуст, но Люда все-таки добыла из него пару молекул обувного крема. Так странно, еще год назад она спокойно ходила в чем попало, а теперь выйти из дому в нечищенной обуви для нее так же невыносимо, как в нижнем белье.

Люда торопилась, но все-таки не успела. Мама вышла из комнаты и, взглянув на осыпавшу-

юся с туфель грязь, сразу поняла, что дочь была на кладбище.

— Как трогательно, — усмехнулась мама, — а нас с отцом когда в гроб загонишь, тоже будешь на могилку ходить? Слезки проливать и умиляться?

Люда молча пошла за веником. Что тут ответишь? «Нет, не буду» и «да, буду» прозвучат одинаково издевательски. Умиляться... Само по себе слово вроде бы хорошее, но мама его всегда произносит так, будто выплевывает, и кажется, будто умиление — одно из самых позорных занятий, которым только может предаваться человек. Что ж, наверное, Люда и правда не имеет права ни на какие чувства, кроме стыда и вины.

Поспешно убрав в прихожей, Люда проскользнула в свою комнату и легла. Скорее бы наступила ночь, а за ней утро. Она быстренько соберется, пока все еще спят, и поедет на работу, а по дороге зайдет в универсам к открытию, наберет продуктов для передачки. Вдруг выбросят что-нибудь дефицитное? Хорошо бы копченую колбасу, но этот калорийный и долго хранящийся продукт бывает только в закрытых распределителях для номенклатуры и редко-редко в продуктовых заказах на предприятиях. Ну и если дружишь с работниками торговли, тоже можешь достать. В прошлой жизни у Льва все это было, но он никогда не пользовался, говорил, что подобные штучки превращают человека в лакея, каковым он категорически отказывается быть. Ну да что теперь об этом думать, офици-

альный доступ к привилегиям закрыт, а прежние товарищи решительно вычеркнули Льва из своей жизни. Будто и не было у них никогда такого друга.

Завтра она купит на Невском шоколадных конфет для калорийности, но Лев мужчина, ему нужно мясо, и сладкое он вообще не любит. На рынке только если найдется что-нибудь подходящее, но там дорого, а денег не жалко, их просто нет. Отсутствуют. Зарплата ассистента кафедры невелика, и большая часть уходит в общий котел, остается как раз передачу собрать, но по магазинным, а не по рыночным ценам. В прежней жизни она попросила бы у родителей, они бы дали без всяких разговоров, но теперь, после всего, что она сделала, об этом не может быть и речи. Убийцам денег не дают.

Люда зажмурилась. Как стыдно, господи... Она должна предаваться угрызениям совести, а вместо этого думает о всяком житейском. Правильно бабушка называла ее холодной и бесчувственной эгоисткой, еще когда для всех остальных она была любимой девочкой. Раскусила внучку раньше других, но все равно любила.

Раньше так просто было жить, набедокуришь — не страшно, главное, осознать, раскаяться и попросить прощения. Рецепт проверенный. А в этот раз она даже осознать не может своей вины, поэтому родители и не прощают, хотя она к ним уже не раз приходила с повинной головой. Которую, по любимому присловью бабушки, меч не сечет.

Дверь скрипнула, приоткрываясь.

— Иди ужинать, — сказала Вера, как выплюнула.

— Спасибо, не хочу.

Вера вошла в комнату:

— Мы не КГБ, а ты не академик Сахаров, чтобы устраивать нам тут голодовки. Поверь, твои демонстрации никого не впечатлят и не заставят относиться к тебе иначе, чем ты заслуживаешь.

— Я просто не хочу есть, Верочка.

— Ты уже достаточно доставила родителям горя и хлопот, чтобы еще заставлять их волноваться о твоём здоровье, — отчеканила сестра, — поэтому изволь встать и выйти к столу.

Вера точно не собиралась возвращаться в столовую одна.

— Идем, — повторила сестра с нажимом, — думаешь, я в восторге оттого, что приходится сидеть с тобой за одним столом? Но я терплю, потерпишь и ты.

* * *

Внезапно меня приглашает пить чай сама Регина Владимировна. Я немного удивлена неожиданной милостью, но беру свою чашку и иду к ней в кабинет.

Регина Владимировна ставит на стол начатую коробку конфет, из которой опытные доктора уже съели самые вкусные, оставив только с пронзительно-белой помадкой, наливает чай и участли-